

Виктория Ленц

Ведьма порешает!

3 СЕЗОН

Виктория Ленц

Ведьма порешает! 3 сезон

«Автор»

2026

Ленц В.

Ведьма порешает! 3 сезон / В. Ленц — «Автор», 2026

Стоило Василисе привыкнуть к незванным гостям в её избушке в густом лесу на арктическом гектаре, как приехали новенькие. Воронцов был переименован в «своего», «постоянно прописанного по адресу» и гостем перестал считаться. Но его брат Андре никак не уезжает, переворошив все грядки. Потерялась в лесу, но была удачно «подобрана» мальчиками Анфиски — его бывшая невеста Дезире. Владимир Георгиевич, дедушка обоих Воронцовых — к нему у Василисы претензий нет. Забытый языческий божок? К сожалению, призванный не Василисой, поэтому и прогнать его она не может. Мир и покой этому дому только снится. Зато эта компания, если и не свернёт горы, то обязательно достанет и вернёт отца Василисы, потерянного в «безвременье»...

© Ленц В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1: Нечто из лесу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктория Ленц

Ведьма порешает! 3 сезон

Эпизод 1: Нечто из лесу

Бесконечно я могла смотреть на три вещи: как течёт Северная Двина, как догорает костёр и, оказывается, как работает кто-то другой. Но об этом я узнала только сегодня.

— ... представляешь, Василиса? На два часа, на целых два часа, блин-блинский, опоздали! — продолжала трещать Анфиска, сидя рядом со мной.

Она рассказывала это уже, наверное, полчаса, и всё успешно помещалось в одно предложение: её трое мужичков на ниве опоздали на два часа, поэтому она решила их наказать и не стала ждать на той полянке.

— ... вот приедут, а меня там уже не будет! Вот им! — русалка пригрозила пальцем, но кому именно — не уточнила. — Нет, ну, лесовичка я всё равно оставила, здесь же сеть совсем не ловит, пусть хоть корзинку оставят...

Ладно, не в одно предложение. Оставила она, значит, одного из местных леших — тех самых, которые, как только завязали пить, оказались удивительно толковыми дедами.

— ... нельзя заставлять девушку ждать, особенно такую красивую, как я! — не унималась Анфиска, надув губки.

Иногда я кивала, хотя смотрела не на неё, а перед собой. Впрочем, Анфиска смотрела туда же. Мы обе наблюдали, как работал кто-то другой.

Воронцов пилил дерево. Вернее, он сначала уточнил у меня, какое можно, потом срубил, потом притащил к дому и теперь деловито распиливал его на части.

Во-первых, дядька Савельич утром сломал стул. У меня на кухне их всего два, так нет же, уселся вместе со своим чемоданом, который за пару дней у меня он продолжал таскать везде с собой.

— Может, поставите его в доме, Савелий Фёдорович? — в который раз пытался отобрать чемодан Николай Геннадьевич.

То ли дедуля был шустрый, то ли лесной воздух шёл ему на пользу. Но Николай Геннадьевич теперь на костылях передвигался так быстро, что позавидовал бы любой дед с обеими целыми ногами. И, похоже, его это даже забавляло — костыль отбивал чёткий ритм по утоптанной земле, и он шёл, будто маршировал. А гипс его не смущал вовсе: разве что немного потемнел от местной грязи и зацепил пару елок.

Савельич перестал на него огрызаться, но сверкать глазами не перестал. Иногда шипел, иногда ворчал, но больше «Пожирателем» не попрекал — прогресс! Хотя, конечно, полностью излечиться от вредности Савельич не мог: то Николай Геннадьевич стоит «не так», то сидит «слишком прямо», то даже пирожок откусывает «не с той стороны».

— Фух, — шумно выдохнул Воронцов, вытирая пот со лба подкатанным рукавом.

Он бегло осмотрелся, отложил пилу и заприметил топор. Дерево он выбрал ещё утром — сухое, ровное, с хорошей сердцевиной. Досок теперь нужно было много: прошлые дни ушли на восстановление двора из запасов, что остались ещё со времён моего отца. Сегодня предстояло доделать стул, починить дверь сарая и, может, напилить немного досок «на потом».

Смотреть, как Воронцов работает, было на удивление увлекательно. Он двигался сосредоточенно, спокойно, будто всю жизнь этим занимался. Подкатал рукава выше — так, что ткань почти собралась жгутом под плечом. Смотрелось это забавно, но ему явно было жарко: лоб блестел, волосы прилипли к вискам, рубашка на спине уже намочила. При этом он выглядел не усталым, а, наоборот, доволен — как человек, который наконец делает что-то полезное руками.

Топор в его руках был тяжёлый, но он орудовал им с точностью и уверенностью. Каждый удар ложился ровно, глухо отдаваясь в стволе. Щепки летели в стороны, и запах свежей древесины заполнил весь двор.

Потом Воронцов отложил топор, выдохнул и снова взялся за пилу — распиливал аккуратно, неторопливо.

— ... на целых два часа, ты представляешь, Василиса? Я там ждала, как дура! — не унилась Анфиска, сидя неподалёку.

Я рассеянно кивнула. Рядом с Савельичем на крыльце стоял короб — всё ещё на замке, всё ещё с дырками в крышке, тот самый, где мы держали обезумевшего Митрофана. Тот вёл себя теперь тихо, материться перестал, но был по ночам, распугивая мертвецов на несколько километров вокруг. Впрочем, им и без того хватало причин не подходить к моему дому.

Вот сейчас Митрофана «выгуливали». Евфимий сидел рядом, поглядывая на короб с искренней жалостью, но открыть не решался. Видимо, память о том, как его собственный друг срывался в безумие, свежа. Сколько лет они вдвоём провели в заброшенной деревне? Я так и не спросила — всё откладывала.

Архипка тоже был здесь. У него ведь свой домик был неподалёку, но стоило появиться хоть какому движению — он тут как тут. На новых домовых, особенно на Евфимия, он смотрел странно, будто всё ещё решал, стоит ли им доверять. К Митрофану относился настороженно, но отмытого и причёсанного Евфимия даже одобрил.

Наш Архипка вообще педант редкостный: у него всё вылизано до блеска, каждая дощечка на месте, каждая волосинка в бороде к другой волосинке, рубаха вечно чистая. Венник в углу под правильным углом стоит... Кстати. Венник *в моём* доме раньше валялся где попало. Не удивлюсь, если Архипка так обнаглел, что ночью втихаря приходит и всё переставляет «как должно быть».

— Мда, — буркнула я себе под нос, глядя, как Архипка вытирает пыль с перил специальной тряпочкой, которую достал из подозрительно знакомой сумки на поясе. — Воронцов его однажды пригласил, а я теперь выгнать не могу.

Мне никто не ответил.

Воронцову, кажется, окончательно надоело пытаться закатать рукава чуть ли не до плеч — ткань всё равно норовила сползти обратно. Сегодня было солнечно, август выдался на удивление тёплым, да и работа не давала ему перевести дыхание. Он пару раз раздражённо дернул рукав, потом фыркнул, пожал плечами и просто снял рубашку вовсе.

Анфиска осеклась на полуслове. Даже рот приоткрыла, но вместо очередной тирады лишь выдохнула нечто вроде «о-о-о...» и толкнула меня локтем в бок. Потом демонстративно закинула ногу на ногу и принялась якобы поправлять волосы.

Я не отвела взгляда. Не потому что там было что-то уж такое невероятное, а просто — интересно. Человек работал. Дерево трещало под уверенными ударами топора, мышцы под кожей двигались плавно, будто слаженно с каждым взмахом. Он выглядел не как гость или чужак, а как часть двора, как будто всегда здесь жил и всегда этим занимался.

Да, ладно-ладно, мы обе просто глазели на полураздетого мужика. Анфиска на минуту заткнулась. Я продолжала смотреть. Только если Анфиску больше волновало, почему она раньше не замечала телосложения Воронцова, то мне покоя не давало, как *легко* он вписывался в мой двор. В мой дом. В мою жизнь. Прямо смотреть там было не на что, Воронцов не поражал выпирающими мускулами и кубиками пресса — но он был *достаточно* сильным. Чтобы, вон, дрова колоть, будто это так просто. Или бревно в одиночку притащить.

Вчера Анфиска брякнула, мол, «если бы не то, что он сделал», то Андре был бы парнем позавиднее. Я не стала с ней тогда спорить, но... я глянула на Андре у сарая: он вертел в руках мотыгу и не понимал, как её держать, не то чтобы как ей копать огород. А ему придётся, потому

что у меня всего одна грядка — для трав. Но они всё равно умудрились её разгромить, поэтому — наказан.

Анфиска теперь тоже знала, что случилось, мы с Воронцовым ей рассказали. «Тогда он дурак, что тоже хреново», — подытожила русалка. Правда, Андре это помогло мало, потому что Анфиска осуждала дураков едва ли не больше, чем убийц.

Так вот, о чём я... Даже если забыть, что сделал Андре, насколько он глупый... ладно, наивный он, не глупый, и насколько руки у него из жопы... В общем, забыть вообще всё, чем они отличались, и просто смотреть на внешность — то Воронцов мне всё равно больше нравился. Он был, ну, объективно более угловатый, как бы смешно то ни звучало. Андре на его фоне был немного пухлый, мягкий, «красивый мальчик с обложки», каких последнее время много стало на плакатах в городе: чуток смазливый, немного кудрявый, не совсем рыжий.

— Да он весь какой-то недотакой, — пробурчала я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Андре придётся идти показывать, что делать, но я пока не спешила вставать. Я снова посмотрела на Воронцова. А вот он был, пожалуй, иногда даже слишком «такой» — такой, какой нужно. Починил дом, управлялся с топором, с мёртвыми разговаривал, а не орал и убегал. Вон, на прошлой неделе туристическая группа потерялась, так он им дорогу рассказал... Им это, правда, не поможет — эта троица раз лет в пять сюда доходила, — но Воронцов не знал, как давно они «потерялись» и сколько лет уже мёртвые. Эти днём были мирные, они только ночью сходили с ума и могли наброситься, будто дикие звери.

— ...и почему это ещё не «твой» мужик? — шёпотом спросила Анфиска, наклоняясь ко мне.

Она, кажется, болтала и до этого, но я прослушала всё, пока она не придвинулась почти вплотную.

Я приподняла одну бровь.

— Потому что я ненавижу людей. Особенно живых?

— Ды-к, он не человек, а живой, только пока тебя рядом нет. А так воняет той же мертвечиной, — отмахнулась Анфиска.

Мы обе продолжали смотреть: Воронцов уже несколько раз сменил инструменты и теперь строгал доски, уверенно, с толком.

— Тогда хотя бы потому, что своего *прошлого мужа* пять лет выгнать не могла, — заметила я.

— Не пыталась, — поправила Анфиска.

Я фыркнула и отвернулась.

— Не пыталась, — упрямо повторила русалка.

Я закатила глаза. Но она была права. Я слишком долго не пыталась избавиться от него — потому что всё равно винила себя. В том, что Олег... Но ведь он сам повесился. Сам так решил. Сам сошёл с ума... Из-за моего дара?... Я до конца не уверена. Но с каждым днём после Солнцестояния винила себя всё меньше. Может, к следующему году и мать с сестрой вниз уведу. Может быть.

— Этот нормальный, — сказала Анфиска, — а начнёт чудить, я его первая утоплю.

Она гордо вскинула голову, губы надула, будто клятву дала. Я хмыкнула.

Воронцов работал размеренно. Всё вокруг будто само подстраивалось под его ритм — даже ветер, кажется, дул тише. Вот действительно, можно было часами смотреть, как работает кто-то другой.

Но тут:

— А-а-а! — завопил Андре, подпрыгивая на одной ноге.

За домом было плохо видно — он стоял где-то у угла двора, а потом вообще «упрыгал» из поля зрения. Я глухо застонала, вставая.

— Бедовый дурак, — подытожила Анфиска.

– Ты морячка!

– Я моряк! – бодро запевали все трое известную песню, раскачивая ниву.

– Ты рыбачка!

– Я рыбак!

Вернее, машина у них была не та, чтобы её можно было легко раскатать изнутри, но им казалось именно так. Под бодрые ритмы старой магнитолы, ревущей на всю громкость, троица друзей весело катила по просёлочной дороге, везя «лесной хозяйке» подарки. А заодно — какие-то продукты для «прочих лесных обитателей», потому что особенно страшной в их памяти осталась та девица в сарафане.

Никто из троицы не рискнул бы предположить, что она такое, когда не «носит человеческую кожу», как объяснила им Хозяйка. Они просто боялись. А если зло можно было прикормить, чтобы оно стало чуть менее злым — значит, нужно попробовать. Тем более, троица была теперь не абы кто: грибники с репутацией, старожилы рынка. Их уважали даже «бабулечки в законе», которые за свои грибные места могли устроить бойню авоськами. А ведь они ещё и ягоды продавали! Про бриллианты и бриллиантовую крошку было давно забыто, ведь морошку туристам можно было продать намного дороже. Своим, местным – за половину той цены, им ведь морошка не в диковину.

– погоди, смотри, там было что-то! – дёрнул друга за плечо Валера.

– Да ну тебя, Валер, – отмахнулся водитель.

– Да Костян! – прикрикнул на него Толя с заднего сиденья.

Костян фыркнул, нажал на тормоз, и нива дёрнулась, чихнула и остановилась.

– Да нет там ничего, мусор какой-нибудь валяется... – начал было он, но замолчал.

Из леса, прямо на дорогу, выбежало *нечто*.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.